

КОНФЕРЕНЦИЯ
ТРУБКА
засыпана

ЧОДОСЛАВИЧ 1930

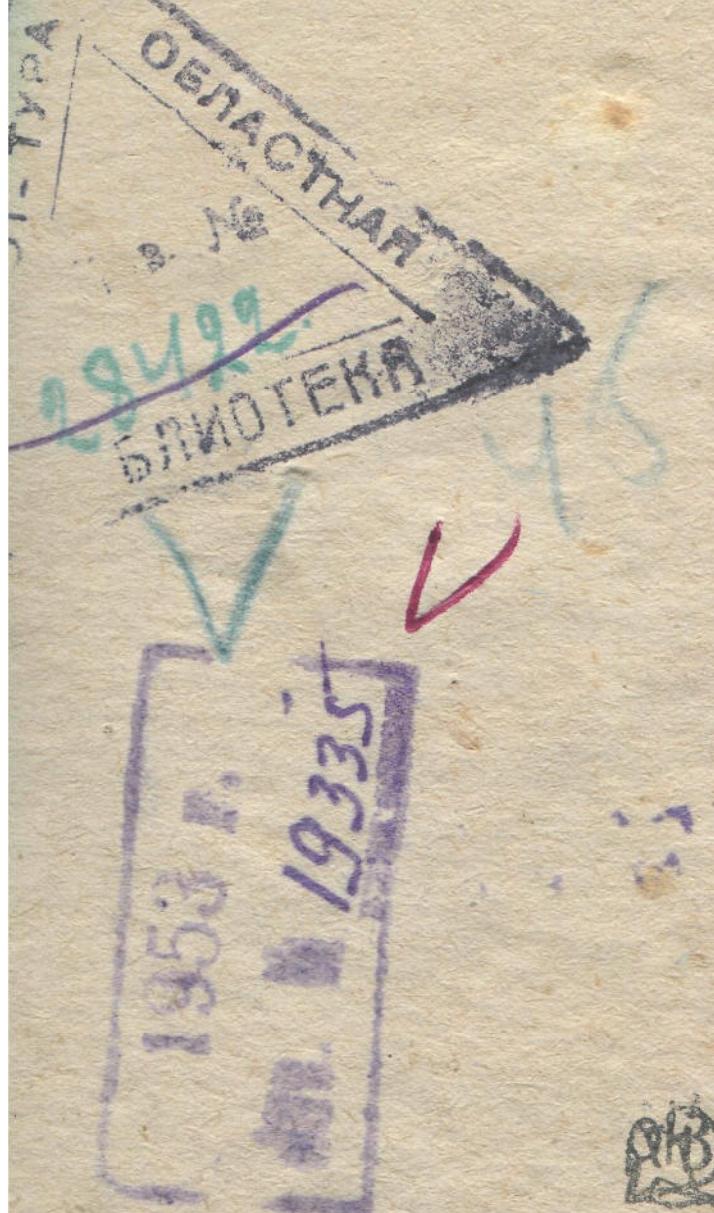
К-65

А. КОПТЕЛОВ

К-55.

ТРУБКА ЗАЙСАНА

АЛТАЙСКИЕ РАССКАЗЫ

58 2

НОВОСИБИРСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЧЕБЕК ОНУКОВ

1

Чебек Онуков по сие время не может простить себе прошлогодней ошибки. Начальнику пограничной заставы, лейтенанту Ковылеву, он не раз укоризненно говорил своим жестким голосом:

— Ты, товарищ начальник, хороший человек, а ружье назад не берешь. Это почему так? Мне теперь стыдно такое ружье носить.

— Друг мой! — воскликнул молодой лейтенант, пытавшийся успокоить старика. — Не ты виноват, а мы все.

— Я виноват, — с горечью в голосе кричал Чебек, и на скуластом, смуглом лице его появлялись новые морщины, а черные по-юношески блестящие глаза становились еще более узкими. — Тот остромордый кабан обманул меня, как парнишку. Я ошибку делал, — я виноват. Хороший лес был, теперь — голые горы...

В прошлом году в горах стояла на редкость сухая солнечная осень. Даже в середине октября днями в долинах все еще было тепло, но

холодные ночи уже превратили хвою на лиственницах в яркое пламя, а выше леса, на горах, появился свежий снег. Чебек с большим табуном лошадей спускался все ниже и ниже к широкой долине. Он надеялся, что дней через десять сдаст табун другому пастуху и, несмотря на свои пятьдесят пять лет, отправится на любимый промысел белки. Последнюю ночь он провел с табуном на поляне, которая с трех сторон была обставлена отвесными серыми скалами, а с четвертой обрезана рекой, грохочущей где-то далеко внизу. Днем пастух уснул часок на солнечном пригреве, чтобы потом всю ночь сидеть у костра и прислушиваться к шороху лошадиных шагов. Далеко за полночь опорожнил котелок с чаем и пошел за водой к ближнему ручью, впадающему в реку. Ле перед ручьем расступился, и пастух увидел внизу, на той стороне реки, небольшой костер среди таежной чащи.

«Кто же там ночует? И почему с вечера не было костра?»

По левой стороне реки не было троп, кедровый орех там не уродился, а до начала охоты оставалось еще полмесяца. Кто, куда и зачем поехал по той стороне реки? Местные жители за один день уехали бы на ночевку дальше горы. Туристов в эту пору года никогда не бывает даже на больших тропах, а геологи, вследствие работавшие в горах, давно вернулись в города. Пограничники не развели бы костра.

— Надо посмотреть, — решил Чебек и с пустым котелком зашагал к костру.

Прошло всего лишь несколько минут, а Чебек уже ехал к броду через бурную реку, до которого от места его ночевки считали шесть километров. За спиной пастуха торчала новенькая двустволка, заряженная картечью. Когда Чебек опускал правую руку на ореховую ложу, ладонь его чувствовала холодную серебряную пластинку. Эту пластинку Чебек считал для себя дороже самого ружья, — на ней было выгравировано: «Колхознику Онукову за активную помощь по охране государственных границ СССР. От уполномоченного погранохраны». На торжественном заседании, вручая это ружье, сам командир отряда сказал:

— С помощью товарища Чебека Онукова в разное время было задержано восемь нарушителей границы...

«Восемь задержано, а девятый отпущен, — напомнил себе пастух, поторапливая коня. — Дурак ты, Чебек, дал себя так глупо обмануть»...

Это было в конце лета, когда табуны паслись на лугах выше леса. Вечером из-за горы выехали два всадника — один среднего роста, сутулый, в желтой алтайской шубе и лисьей шапке, другой — высокий и сухой, в кожаной тужурке и серой фуражке с медным значком. Алтаец рысью проехал прямо в лес, а высокий повернул к пастуху. Чебек увидел перед

Перед рассветом в долине проснулся ветер и, подымаясь на хребет, стал шаловливо шуршать сухой травой и опавшими листьями кустарника. Чебек перебрел реку и поехал по направлению к костру.

«Ветер дует на них: могут услышать стук копыт о камень».

Он спрыгнул на землю, достал из переметной сумы шкурку недавно убитого им барсука и разрезал ее на две части.

— Передние ноги оберну — и то хорошо! — решил он.

Пока Чебек обертывал ноги коню, начался рассвет, но пастух надеялся незаметно подъехать к костру из-за хмурого леса.

Поднявшись на первый пригорок, он увидел облако дыма. Ветер колыхал его над оранжевыми макушками лиственниц и гнал к хребту, где в кедрачах водилось много белок, в каменных россыпях обитали дымчатые соболи, а на скалах всегда стояли тонконогие маралы с драгоценными пудовыми рогами на гордо поднятых головах.

— Пожар!.. Костер не залили... — вскричал Чебек и погнал коня во всю рысь на кручу гору.

Огонь с шумом и треском полз по сухой земле, пожирая траву, хвою и валежник. Огонь подбирался к лиственницам, прыгал на нижние сучья, а потом, обвиваясь вокруг деревьев, бежал до самых вершин. Смолистая кедровая

хвоя вспыхивала, как порох. Чебек видел пылающие деревья, и его охотничье сердце содрогалось от боли.

Вот и место ночевки неизвестных. Незадолго до отъезда они оттащили обгорелые буреломины от костра в сухую траву.

«Подожгли проклятые!..»

Чебек выругался и, спрыгнув с коня, стал внимательно осматривать место ночевки. Трава вокруг костра была заранее спалена. На земле, покрытой пеплом, две лежки. Ночевали двое. Рядом, под деревом — сырая шкура лошади, голова, ноги и потроха. Возле костра — заостренные палки с остатками прикипевшего пережаренного мяса.

— Ага... понятно... Собирались в дальний путь: запасали мясо на дорогу. А это что блестит?

Чебек поднял стальное кресало, которым неизвестный высекал искру из кремня, чтобы развести костер. На кресале виднелся серебряный знак. Не поверив своим глазам, пастух рукавом шубы стер с кресала пепел, тогда еще ярче заблестел с детства знакомый знак.

«Луна с сердцем... Тамга зайдана»...*

Ему ли не помнить зайданской тамги? Много лет он пас хозяйские табуны. Все лошади в табунах были таврены этой тамгой. Даже рукоятки тяжелых плетей, которыми драли «непо-

* Зайдан — родовой князек у алтайцев до революции.

корных», были украшены серебряным знаком — луной с сердцем. Эти плети дважды рвали в клочья кожу на спине Чебека. Первый раз его драли за то, что при нескольких сородичах он обругал самого зайсана, а второй раз за то, что потерял коня из хозяйствского табуна (хотя все были уверены, что коня увел подосланный самим разгневанным зайсаном ловкий домашний вор, которому хозяин платил за каждую такую кражу). Когда партизанские отряды всколыхнули Алтай, зайсан со всей семьей убежал за рубеж, но табуны свои не успел угнать. С тех пор о нем ничего не было слышно, пока в прошлом году не поймали на границе старшего зайсанского сына, пробиравшегося на советскую землю.

Чебек в задумчивости опустил голову. Что ему делать? Лесной пожар одному не затушить. Скакать в колхоз за помощью? Но в это время враг может поджечь в другом месте и огнем окружить колхозный табун. Вернуться к лошадям, охранять их и ждать, пока в долине заметят пожар и прискажут сюда? Но за это время поджигатели могут скрыться. А кто знает, что они уносят за рубеж? Может быть то, что у них в карманах, ценнее табуна?

Чебек решил скакать домой. По дороге он встретил свою жену Төхтон. Она везла ему запас ячменного толкана, кислого сухого сыра, соли и зеленого чая.

— Вот хорошо-то!.. — воскликнул пастух. —

Гы будешь табун пасти, а я — домой. Скорее догонять надо... Враги на нашей земле.

Он показал жене кресало с зайсанской тамгой. А жена рассказала ему, что в предпоследнюю ночь из колхозного двора уведен конь и что утром не досчитались одного седла.

— Они украли, собаки проклятые! — воскликнул Чебек и погрозил плетью дальним горам, а потом добавил: — От меня не уйдут.

Тохтон знала: если гнев охватил сердце мужа, то его не остановить и не уговорить, но, мало веря в успех, она все же упрашающее сказала:

— Ты бы не лез туда, где без тебя обойдутся. Попадешь в ловушку. Детей кто будет кормить?

Чебек не ответил, понукал коня и на прощанье крикнул жене:

— За лошадьми смотри зорче. Паси, пока не приедет новый пастух.

2

Ветер дул с чужой земли вдоль лесистых долин, но пожары шли к границе навстречу ветру, и уже приближались к заповедным лесам, особенно богатым пушным зверем. С гор в долины и ущелья спускалось столько дыма, что в ста метрах ничего не было видно. В дыму все выглядело иначе. Даже знакомые скалы и речки Чебек не всегда узнавал. Но,

как и перед выездом с заставы, он продолжал уверять командира пограничного наряда Новикова, что проведет бойцов через полосу дыма на перевал, известный только ему одному, а за перевалом они обойдут поджигателей и отрежут им путь к границе.

— От нас не уйдут, — спокойно говорил он.
Перевал был свободен от дыма. Наряд остался, чтобы дать лошадям отдохнуть. Ближние горы на севере походили на гигантские костры. Пламя перекидывалось с одной горы на другую. Достаточно было первым огненным языкам коснуться скалистого гребня вершины, как на другой стороне горы вспыхивали кедрачи.

Огонь летел по макушкам деревьев и полз по земле. Огненная стена двигалась с поражающей быстротой.

Неожиданно ветер изменился и погнал дым в сторону перевала. Новиков подал команду садиться на коней, а Чебек острым взглядом охотника все еще ощупывал косматые леса на южном склоне хребта. Вдруг он увидел вдали, над лесом, едва заметную сизую струйку, похожую на дымок над лиственничной юртой. Но те леса года три тому назад отошли к заповеднику, и жилья там быть не могло.

— Опять подожгли! — вскрикнул он и побежал к командиру. — Вон там, товарищ Новиков. Посмотри в бинокль. Видишь?

Над лесом показалось облачко дыма.

— Проведешь в обход? — спросил командир.

Чебек молча кивнул головой и поехал вперед. Здесь ему была знакома каждая скала, каждый каменный гребень и каждая лощинка хвойным лесом. Если бы за ним сейчас ехали досужие путешественники, — на всем пути от перевала до большой реки в долине Сары-су он рассказывал бы им о том, что вот на этом древнем кедре когда-то убил белку, ата коряжистая лиственица была срублена им, когда в дупло спрятался соболь, а вот здесь Чебек отдыхал после удачной охоты, когда в одно утро добыл двух росомах. Но сейчас ему было не до охотничьих воспоминаний. Он думал о том, где можно незаметно провести отряд, состоящий всего лишь из пяти бойцов, где оставить лошадей и по какой из трех узких расщелин подняться на отвесные скалы, за которыми начинался склон, покосивший лесом.

— Они не знают, что внизу — скалы. Им не спуститься к реке, — говорил Чебек, повернувшись голову к командиру, ехавшему позади него.

У двух расщелин они оставили по бойцу, а ю третьей, самой удобной, стали подниматься на гору. Чебек находил в скалах едва заметные уступы, чтобы опереться пальцами ноги или ухватиться рукой и подтянуться. Местами щель была настолько узкой, что плечи его

касались скал. Но он лез так быстро, что Новиков и красноармейцы, не успевшие еще привыкнуть к горам, остались далеко позади. Командир был крайне удивлен, когда увидел за спиной старого охотника легкий дымок.

— Еще и трубку сосет на таком пути! Стальное сердце у этого человека и легкие, как меха!

Выбравшись наверх, Чебек спустил в щель предусмотрительно взятый им аркан и всем троим помог подняться на скалы. Первое, что они отметили наверху, — это быстро меняющийся ветер. Теперь он дул с востока, и дым постепенно завладел тайгой.

— Они — там, ищут, где можно спускаться, — шептал Чебек, кивая головой на запад.

Он не ошибся. Двигаясь цепью и присматриваясь к каждому камню, к каждому толстому дереву, они вскоре же заметили двух человек, которые, спускаясь к скалам, вели за собой лошадей. Один был высокий и сухой, в черном полушибке, подтянутом широким ремнем, другой — среднего роста, сутулый, в желтой алтайской шубе и лисьей шапке. За плечами их чернели винтовки.

Командир сказал, что высокого надо взять живым, потом сделал условный жест, и все четверо побежали на запад, чтобы отрезать путь чужим. В это время высокий выстрелил. Пуля взвизгнула за спиной коменданта. Тогда все четверо упали за кедры. Чужие бросили

коней и тоже побежали к деревьям. Но после первого же выстрела одного из бойцов сутулый споткнулся и выронил винтовку. Серая завеса дыма упала впереди их и скрыла все. Где-то уже недалеко трещал в огне сухой бурелом и с грохотом падали подгоревшие деревья. Оставаться тут было опасно, но об этом никто не думал. На одинокие выстрелы из дыма красноармейцы не отвечали, а перебегали от кедра к кедру, все ближе и ближе к чужим.

Вскоре ветер коснулся земли и начал разбрасывать хлопья дыма. В просвет увидев сутулого, который, прижав обе руки к правому боку, убегал на гору, Новиков послал за ним двух бойцов, а сам с Чебеком начал преследовать высокого, перебегавшего от дерева к дереву и изредка отстреливавшегося.

— Внизходить не надо, — крикнул Чебек двум пограничникам. — Вверх подыматься надо: вверху нет огня.

За ближним деревом он заметил медные гильзы, подбежал и схватил сразу несколько штук, — пригодятся, дескать, в хозяйстве. Взглянув на них пристальнее, он крикнул командиру:

— Не наши патроны... Из чужой земли принесены.

Ростом, крутыми плечами и тонкой длинной шеей высокий очень походил на того человека, который там, на пастбище, спрашивал о

железных камнях. Чебеку показалось, что он рассмотрел даже седеющие жесткие усы на длинном злом лице. Легко перепрыгивая через толстые валежины, ныряя под разлапистые сучья кедров и раздирая руками густые кусты красной смородины, Чебек бежал впереди Новикова. Шапку с него давно сдернул какой-то острый сухой сук, правая пола шубы осталась на коряжистой буреломине, а на щеках его лежали красные полосы царапин. Но Чебек ничего этого не замечал и не чувствовал. Он боялся в густой чаще потерять след чужого и думал только об одном: как бы побыстрее настичь его. С малых лет привыкший к дымной юрте, он не замечал, что дым в лесу становится все гуще и гуще, что где-то совсем близко буйствует пламя. Он слышал только тяжелое, хриплое дыхание убегавшего чужого, да на мягких коврах зеленого мха видел его следы.

«От меня не уйдешь. Я не таких зверей догонал»...

Чебек старался бежать еще быстрее, чтобы не дать возможности чужому успеть перезарядить винтовку. Чебек был уверен, что на Алтае нет такого человека, который на крутую гору взбежал бы скорее его.

Вот уже совсем близко... Каких-нибудь десять шагов... Но и Чебека начинала мучить одышка, морщины на лице наполнялись потом.

Высокий бросил пустую винтовку и сунул

руку в карман. Чебек остановился и вскинул ружье, нащупывая мушкой правое плечо чужого. В этот миг немного выше их упало дерево. Ветер кинул на высокого клубок дыма. Тот кашлянул и повалился на землю...

Когда запыхавшийся и весь облитый потом Новиков добежал до этого места, Чебек уже сидел на длинном и сухом человеке и связывал ему руки волосяным арканом...

Прошло полчаса, пока они выбрались из леса на щебнистую вершину. Туда же поднялись и бойцы, преследовавшие сутулого в алтайской шубе и лисьей шапке.

— Изжарился, вражий гад, — доложил один из них.

— Огонь сразу окружил его, — сказал второй. — Мы едва успели выбежать на чистое место.

Лица их были черны от пепла и дыма. Шинели в нескольких местах прогорели от искр.

Новиков положил левую руку на плечо охотника.

— Садись, отдыхай, — сказал он, правой рукой взял давно погасшую трубку, торчавшую во рту старика. — Я тебе своей махоркой трубочку набью.

Но черемуховый чубук самодельной трубы оказался раздавленным зубами.

Длиннолицый, лежавший на камнях, открыл глаза. Чебек одной рукой схватил большой

камень и потряс им возле его посиневшего ломаного носа.

— Камни собираешь? — взревел он, суроно сдвигая брови. — Я тебе, кабану остромордому, подарю камешек. На, погрызи!

Новиков опять положил руку на плечо Чебека.

— Отдохни, старик. Для него найдут подарок поострее твоего камня... — и, садясь на щебень, тихо сказал: — А я угорел сильно

Горы утопали в дыму.

3

Недалеко от колхоза Чебек с тропы услышал дикий, протяжный рев, доносившийся из леса.

— Неужели камлают? — вслух спросил он, удивляясь человеческому реву, как грому среди зимы.

Когда-то Кудюрская долина считалась самой богатой шаманами. В ней жило восемь знаменитых да несколько второсортных ходатаев к добрым и злым духам. Самый известный из них — Калбан Топанов — ежегодно во время камланий разрывал в жертву духам до трехсот лошадей. Но вот уже шесть лет, как последний шаман Кабык Ороктоев сдал свой бубен и шубу с ленточками в областной музей и через газету отрекся от шаманства. Он жил недалеко от колхоза, в тесном ущелье, куда редко кто заезжал из колхозников. Где он до-

бывал себе пищу — об этом Чебек ничего не знал. До пастуха доходили только разговоры о том, что по ночам Кабык тайно шаманит по просьбе стариков и старух.

Небольшая поляна пестрела женщинами, старухами и стариками. Среди них было несколько мужчин. Возле белой овцы, которую люди хотели разорвать вместо лошади, крутился коряый старик с большим бельмом на глазу, в шубе, увенчанной ленточками; он как бы был кулаком в воображаемый бубен и выкрикивал славословия горному духу, хозяину лесов, охваченных пламенем. С первого взгляда Чебек узнал Кабыка Ороктоева.

Один из четырех арканов, привязанных за ноги овцы, держал бригадир охотничьей бригады Уйбек Толгоеков. Он напряженно ждал, когда Кабык подаст команду раздирать овцу.

Неподалеку, у молодой лиственницы, стоя, дремал заседланный гнедой конь. На деревяшке седла сияло серебряное солнце с множеством острых лучей.

— А-а! Помощник зеленоглазого дьявола нашелся! — с радостью воскликнул Чебек.

Он молодцевато спрыгнул с коня, растолкал женщин и, оказавшись в середине круга, крикнул на Уйбека Толгоекова:

— Кто разрешил овцу раздирать?

— Она — моя собственная... — тихо пробормотал Уйбек; седеющая бородка его задрожала.

— Надо лес тушить, а вы шамана потешаете. Овцу приготовили, а волку любо.

— Покамлает — огонь остановится... Мне лес жалко, — зверь гибнет...

— Жалко? — переспросил Чебек, исподлобья глядя на бригадира. — Жалко — так поезжай тушить. Собирай всех стариков. Я вас поведу. В один день все затушим.

Воспользовавшись шумом, Кабык выскользнул из круга и, обрывая ленточки с шубы, побежал к коню.

Чебек несколькими прыжками молодого бегуна догнал старика и, багровея, с дрожью в голосе, спросил:

— Чье седло?

— Мое, — вызывающим тоном ответил шаман, кривя гнилозубый рот.

— Твое? Твое, — так поедешь со мной.

4

Начальник заставы угощал Чебека чаем с вареньем из красной смородины.

Двуствольное ружье с серебряной пластинкой на ореховой ложе висело на стене.

— Второй поджигатель был действительно зайсанским сыном. Возле его обгоревшего трупа найден нож с клеймом и слиток золота, — рассказывал Ковылев.

— Я тогда говорил: зайсанский выродок ползает по нашей земле.

— А поджигали не они одни. Ваш шаман поджигателей в горы направлял.

— Надо ехать домой. Собираюсь на охоту, — сказал Чебек, отодвинул пустую чашку, крепко пожал горячую руку командира и поспешно вышел.

Но через минуту Ковылев вернул его. Спросил намеренно жестким голосом:

— Почему ружье оставил?

— Я, товарищ командир, виноват. Чужому поверили, думал, что камни собирает... Вон сколько лесу сгорело...

— Знаю. Довольно! — остановил его командир, снимая ружье со стены. — Бери. Да почаше к нам в гости заезжай.

Ноябрь 1936 г.

ТРУБКА ЗАЙСАНА

1

Это было в колхозе «Кызыл малчи» три года тому назад, когда пастух Илюбей Уштуев выдавал замуж старшую дочь. Он сидел в кругу гостей, на лужайке, засыпанной одуванчиками, как небо звездами. От круглой лисьей шапки с выдровой опушкой тень падала на его прямые черные брови, на узкие смоляные глаза, на большие и все еще румяные скулы, — на одной из них остался след старой раны. Но жидкие черные усы его не могли скрыть довольной улыбки, сообщавшей гостям, что сейчас старый пастух заговорит о чем-то необыкновенном.

— Ну, что ж ты над нами смеешься? Скажи, чем хотел удивить нас? — настойчиво спросил старший брат жениха Танаев Эрдей, перестав набивать табаком большую лиственничную трубку.

— Удивить вас мне нечем, — с напускной скромностью ответил Илюбей и, не спеша, сунул руку за широкое голенище.

Гости следили за каждым движением старого пастуха. Когда он достал из-за голенища длинную медную трубку с массивными серебряными поясками и большим мундштуком из мутно-зеленого нефрита, все ахнули. Такая трубка была на всем Алтае только у одного их родового князька — зайсана — Янкаша Пуктушева, умершего в годы большой войны. Такая трубка с чубуком из китайского камня могла быть ввезена из Монголии. Все знали, что Илюбей был вынужден прожить в той стране несколько лет, но он вернулся оттуда таким же бедняком, каким покидал родные края, и курил попрежнему свою старую самодельную трубку с приметным мундштуком из рога дикого козла тау-тэкэ. И вдруг откуда-то достал такую дорогую трубку.

Изумленные гости переглянулись, не зная, что сказать друг другу и как продолжать разговор со старым пастухом.

Илюбей же тем временем переводил загадочный взгляд с гостя на гостя и, не спеша, большим пальцем правой руки уминал табак в трубке.

Наконец, Танаев Эрдэй недоверчиво спросил его:

— Где взял?

— Это мне зайдан Янкаш подарил, — серьезным тоном ответил Илюбей, но все-таки не мог сдержать веселой улыбки.

— Ну, этого не могло быть, — уверенно сказал один из гостей.

И его поддержали другие:

— Не могло быть. Янкаш был такой собакой.

— Еще не у всех стариков и старух высохли слезы от его подарков.

— А не этой ли трубкой он тебе щеку расек? — спросил пожилой гость, указывая пальцем на небольшой шрам на скуле пастуха.

— Этой самой. Потому и подарил ее мне. Вот и кисет подарил.

Илюбей достал из-за голенища большой кожаный кисет малинового цвета, украшенный серебряными пластинками с изображениями птиц и зверей.

— Вот какой кисет!

— А-а, теперь я понимаю, как все это к тебе попало! Понимаю. Смелый ты человек, Илюбей! — восхищенно воскликнул Танаев.

Он хотел немедленно поделиться своими предположениями. Но раньше его начал свой рассказ о зайсане Янкаше Пуктушеве сам пастух.

«Как желто-зеленый мешочек на печени зверя бывает наполнен одной желчью, так голова Янкаша Пуктушева была налита злостью. Реки Алтая тогда были переполнены не снегом,

вой водой, а солеными слезами нашего народа. Мой отец пас зайсанские табуны. За свою работу он получал только обглоданные кости да шубные лохмотья, в которые одевалась наша семья, считавшая это большой байской милостью.

«Однажды к нам приехал поп, а с ним большеусый человек в погонах и с маленьким ружьем в кожаной сумке. Они показали моему отцу бумаги с печатями и заставили его креститься, обещали за это дом построить и коров дать. А когда Янкаш узнал, что отец крестился, он ножом вырезал у него на пятках кресты. К ранам прильнула большая болезнь, и через несколько дней ноги у отца стали толстыми, синими и мягкими, как гнилые валежины. Запах в юрте был такой скверный, что мы сидели, зажав носы. Наши соседи говорили, и сам Янкаш подтверждал, что злой дух рассердился на моего отца и решил съесть его.

«Прошло несколько дней и мы остались сиротами. Мне тогда шел десятый год. Вместе с сыновьями наших соседей, я носил Янкашу воду из реки Корунду. Белая войлочная юрта зайсана стояла на ровной лужайке высоко над рекой. По утрам мы брали большие мешки из бараньих кож и по узкой тропинке среди скал спускались к реке. Там мы наполняли мешки водой, взваливали их на костлявые плечи и с этой тяжелой ношей подымались наверх. В

холодное осенне€ время мокрая кожа мешков примерзала к нашим дырявым шубам. Лошадей у Янкаша было несколько тысяч, а дрова мы таскали ему на своих плечах вязанками.

«Мы не знали покоя от зайсанской работы, а жизнь наша была голоднее собачьей жизни. «Мне минуло семнадцать лет, когда я решил жениться на дочери вдовы, которая мяла овчины и шила шубы и сапоги на всю зайсанскую семью. У Янкаша было три жены, самая молодая жила с ним в юрте, а юрты двух старших жен стояли в разных концах долины. За день до нашего тоя* Янкаш вечером пришел в юрту вдовы, отослал ее на всю ночь овчины мять, а сам остался с моей невестой. Если бы он не был зайсаном, я бы его зарезал. Такой гнев мое сердце тряс, что я на смерть зашиб одну хозяйственную собаку, самого же Янкаша тронуть не посмел: сами знаете, что раньше все в нашем роде считали зайсана своим родным отцом, все боялись его и никогда не осмеливались ослушаться. С большого горя я угнал табун подальше от стойбища и дней пять пробыл там, пока хозяин не потребовал меня к себе. В его юрту я вполз, как полагалось, на четвереньках и молча опустил голову.

— Почему девку обманул? Почему не же-

* Той — свадьба, ширчество.

нишься? — крикнул Янкаш и ногой пнул меня в лоб.

— Я хотел пить из полной чашки, отец наш, — дерзко ответил я.

«На мой ответ послышался зайсанский рев:

— Ну и пей! Кто тебе мешает?

— Я думал, что у ней богатый жених появился.

«От этих слов моих Янкаш стал зеленым, как старая бронза, скрипнул зубами и еще злее закричал на меня:

— Сейчас же бери ее себе! Не возьмешь, так в реке утонешь.

«В тот год молодой пастух Камза, которого все считали самым смелым человеком в горах, сложил новую песню, в ней пелось так:

Умные люди, скажите мне,

Есть ли зверь хищнее волка?

Мудрые люди, поведайте мне,

Есть ли человек злее зайсана?

«Один старый пастух, добивавшийся хозяйствской милости, песню Камзы пересказал Янкашу. Не прошло и нескольких дней, как пастух Камза потерялся. А потом тело его нашли в реке. Вытащили на берег. Грудь парня оказалась пробитой пулей из большого ружья, какие были только у Янкаша, но сам зайсан сказал народу о Камзе:

— Утонул в реке.

«И все стали говорить:

— Утонул в реке,

«В то время старая жена Янкаша не раз зазывала меня к себе в гости. Но я всегда далеко обезжал ее войлочную юрту. Уже тогда я не почитал ее женой как бы моего родного отца, как продолжали почитать ее многие, — мог бы заехать к ней, но у меня еще мало было смелости. Я знал, что у зайсана есть такая медная труба, при взгляде в которую все далекое становится близким. В ту трубу он каждый день смотрел на свои табуны, но чаще наблюдал в нее за юртами жен, — не заехал ли к ним какой-нибудь гость. Года через два после моей женитьбы старая зайданская жена опять стала меня к себе заманивать. Я тогда вспомнил смелую песню Камзы, и захотелось мне хоть чем-нибудь отплатить Янкашу за его скверные дела.

Однажды вечером я привязал коня возле юрты его жены. Были густые сумерки, и я думал, что никто меня не видел. Но не успел я выпить и двух чашек араки*, как в юрту вломился сам зайдан.

— Ты, щенок, что тут делаешь? — закричал он на меня; синяя нижняя губа его задрожала, а на щеках появились белые пятна; в правой руке его была китайская трубка.

— Зачем сюда заполз? — фрявкнул Янкаш еще громче и весь затрясся от злобы.

— За тем же, за чем ты к моей невесте ез-

* Арака — самогонка из молока.

дил, — задиристым голосом ответил я и вскочил на ноги.

«В это время он и стукнул меня трубкой по скуле, просек до самой кости.

— В реке утонуть захотел? — взревел он.

«А я ему в ответ еще смелее:

— За свою жену я с тобой рассчитался, а за удар — потом.

«С зайданом всегда ездили прислужники, которые поднимали его на коня и снимали с седла. Они услышали наши крики, бежали в юрту и хотели меня схватить, но я был вертким, выскочил в дверь и — прямо на хозяйственного иноходца, а на остальных конях я враз обрезал подпруги и успел даже поводья отхватить. Погоню за мной все-таки пустили, но догнать меня не могли. Через два дня я был уже в Монголии. Там прожил до тех пор, пока Янкаш не подох.

«У жены моей он много раз хотел выпытать, в каком месте Монголии я скрываюсь, но она и сама не знала, где я жил. Янкаш сломал моей жене руку, — думал что добьется чего-нибудь от нее».

— А как же трубка? Ты ее с собой унес? — спросил один из гостей.

— Нет, трубка у него осталась.

— И на похоронах ты не был? Нет? Так как же трубка-то?

Гости вспомнили пышные зайданские похороны,

Умер Янкаш скоропостижно, опившись водкой.

За несколько лет до смерти он облюбовал для себя одну красивую долину, расположенную недалеко от вечных снегов. Короткое лето там было особенно приятно: сменяя друг друга, цвели яркие альпийские цветы. По обе стороны долины возвышались серые бастионы скал. На западе долина оканчивалась неширокой лентой кряжистого кедрача, а за ним сверкали льды и снега отвесной стеной, защищавшей подступ к священной горе, самой высокой в этом районе Алтая. В средней части долина была перегорожена двумя цепями каменных курганов. По обеим сторонам больших курганов стояло по одному кургану поменьше, а дальше, к горам, расположились небольшие груды камней.

«Здесь похоронены ханы, — догадывался Янкаш, подолгу смотревший на эти холмы из речного камня. — Здесь — их жены, а по сторонам — лошади».

Он долго бродил среди унылых памятников древности, ощупывая землю острым хозяйственным глазом и, облюбовав самый ровный участок между курганами, сказал:

— А здесь буду я. Отсюда видна и священная гора, и стойбища внизу. Мой дух будетствовать над всей долиной, над всем народом».

Ему хотелось добавить: «И над этими древними покорителями больших племен», но он сдержался, — зачем раньше времени сердить сильных соседей?

Он испытывал даже приятное чувство, когда видел, что древние ханские курганы разорены неизвестными грабителями, искавшими золотые стремена и золотые ножны. Это было так давно, что в глубоких воронках выросли лиственницы в два-три обхвата.

«Меня никто не посмеет разорить, — уверенно говорил Янкаш наедине с собой. — Меня все боятся. Перед моим духом все будут трепетать. Я здесь — самый сильный».

После этого он послал в далекое русское село за самыми лучшими плотниками. Когда они приехали в зайсанское стойбище, он сам повел их в облюбованную долину, которую он назвал «Долиной Цветов».

Первым делом, он распорядился чтобы плотники спилили все лиственницы в воронках древних курганов и положили бы их в основание пятистенного дома. Но плотники пожалели эти старые деревья так же, как они в своем селе жалели и берегали березы на кладбище (срубить такое дерево было равносильно кощунству). Они отказались выполнить желание Янкаша. Это привело его в ярость.

— Не согласны? Не хотите мою волю выполнить, волю хозяина всех здешних долин? — кричал он, замахиваясь на плотни-

ков тяжелой трубкой. — Уходите домой! Сейчас же уходите! Я других найду.

Через месяц посыльные нашли другую артель плотников, которые пообещали все делать так, как велит хозяин. Среди поседевших от времени курганов плотники построили добротный пятистенний дом без окон и пола, на толстые железные крючья навесили тяжелые двери, а землю вокруг постройки на десять сажен в окружности засыпали мелким камнем, чтобы не мог подползти случайный огонь.

Янкаш остался доволен, угостил плотников водкой, а потом двери дома закрыл на замок и при народе сказал третьей жене:

— Пока я жив, ничьи пальцы не должны прикасаться к этому ключу. А похороните меня, замок замкните надежно и ключ бросьте в реку.

На похороны зайсана люди съехались из нескольких долин. Все привезли с собой по большому тажауру* араки, чтобы дух покойного сильно не злобился на них. На поминках было съедено несколько лошадей, сваренных в огромных котлах.

Тело зайсана на волокушах увезли в «Долину Цветов». Он был одет в свою лучшую шубу из фиолетового китайского шелка. На его груди лежал медный зайсанский знак. В

* Тажаур — кожаный сосуд, в котором хранят араку и кумыс.

кулак правой руки всунули ему его любимую трубку с чубуком из мутно-зеленого нефрита. Серебряное горло ее было доверху набито табаком. Из-за голенища широких малиновых сапог торчал кисет, раздувшийся от листового табаку. Сразу за волокушами шли заседленные кони, на которых ездил покойный, а позади их — караван завьюченных верблюдов.

Покойного поместили на деревянном помосте посередине первой комнаты (вторая была предназначена для лошадей). Под голову ему выбрали лучшее седло, украшенное серебряными бляхами, по правую сторону его положили винтовку, рожки с порохом, пистонами и пулями. В ногах поставили большой котел и медный чайник. Весь левый угол заняли тажауры с аракой, а в правом люди сложили из плиток зеленого чая три стопы до самого потолка. Рядом с чаем разместился добрый воз папушек листового табаку.

Словом, тут было все, что могло потребоваться зайдану, всегда страдавшему волчьим аппетитом.

Замкнув двери, люди ушли из «Долины Цветов», чтобы никогда не заходить туда.

В то время считалось, что душа всякого умершего человека приносит людям зло и несчастья. Душа такого сильного и злого бая, каким был зайдан Янкаш Пуктушев, потревоженная непочтительным смельчаком, могла причинить людям много бед. Охотники, на-

правляясь в глубь гор, обходили «Долину Цветов». Пастухи никогда не загоняли туда ни табунов, ни стад. Люди стали забывать даже название долины, считая ее долиной Янкаша. Но имени его долго никто вслух не произносил, — зачем сердить духа злого зайсана?

4

Илюбей пас стадо яков неподалеку от «Долины Цветов». Много раз он намеревался перегнать стадо через невысокий скалистый гребень и спуститься в долину с немятыми травами, но всякий раз откладывал это до следующего дня. Через некоторое время ему стало неприятно такое промедление, и однажды он сам себя мысленно назвал трусом. Но все его сознание протестовало против этого. Он вслух говорил:

— Не был и не буду трусом. Не боялся Янкаша и не испугаюсь.

Еще недавно Илюбей был уверен в том, что всесильные духи жочут по высоким снежным вершинам. В это верили все его родственники и знакомые. Горные духи могли одному человеку принести счастье, а на другого наслать беды. Их надо было упрашивать и задабривать. В жертву им приносили лошадей. Илюбей помнит, как бай Кабык принес в жертву духам и богам тридцать девять лошадей, а

все-таки не мог отбиться от болезни. Один смелый человек тогда сказал:

— Все духи подохли, остались только живые люди.

Тогда это сочли за кощунственную насмешку. А вот теперь уже несколько лет никто не приносит лошадей в жертву духам, а плохого ничего не случилось. Наоборот, жизнь становится все лучше и веселее. Наверно, бессильны духи вредить дружному и смелому народу. А, может быть, и вправду самих духов нет? Говорят же об этом в колхозе. Наверно, не ошибаются. Прошлым летом люди поднимались на гору с вечным снегом, никакой жертвы не приносили, а все вернулись живые и здоровые.

Среди них были и алтайцы из ближних колхозов. Илюбей сам видел этих смельчаков. Один из алтайцев, тот, который в городе учится на учителя, даже сказал ему:

— Никаких духов, старик, там нет.

Однажды утром Илюбей перегнал стадо яков через каменный гребень. Перед ним в безмолвии лежала долина, засыпанная цветами. Посредине ее — посеревший от времени и дождей лиственничный дом — усыпальница зайсана.

Целый день пастух смотрел на этот безглазый дом, вселявший трепет в жилы кочевников, вынужденных проезжать за чем-либо по

соседним долинам. Теперь же Илюбей ничего особо страшного в этом доме не видел. Он вспоминал рассказы о похоронах Янкаша и старался заранее представить себе внутреннюю обстановку усыпальницы.

Ночью пастух не мог уснуть. До рассвета просидел у костра. В кедраче долго ухал филин.

Илюбей уверял себя: «Это птица кричит, а не дух Янкаша».

Несколько раз вслух произнес: «Никакого духа нет».

Настал второй день.

На берегу речки отдохали яки. Илюбей три раза пересчитал их. Все целы. Хорошо! Теперь бояться нечего.

В полдень он подъехал к пятистенному дому. Взглянул на тяжелую дверь. Замка не было. Куда же он девался? Не мог же исчезнуть сам?

«Неужели кто-нибудь раньше меня осмелился?» — с горечью подумал Илюбей.

Он спрыгнул с коня, обеими руками схватил скобу и рванул к себе. Дверь скрипнула, и с притолоки посыпалась пыль. В густой сумрак усыпальницы, наполненной устоявшимся запахом тления, врезались лучи солнца. Послышался всполошенный шелест и короткий, пронзительный свист.

«Летучие мыши... А свистит сеноставка, — вслух, но с некоторой робостью промолвил

Илюбей. — Ну да, маленькая сеноставка. Кому же больше быть?»

Он перешагнул высокий порог и тут же остановился, напряженно осматривая комнату покойного зайсана.

Прежде всего он заметил, что в левом углу стояли никем не тронутые тажауры, а правый угол, где, по словам участников похорон, лежало три стопы плиток зеленого чая, теперь был пуст.

«Что же это такое? Ни одной плитки не осталось? Не мог же он весь чай выпить?»

Илюбей перевел взгляд на помост и заметил, что у ног покойного не было ни котла, ни чайника. Значит, чай кипятить душе зайсана было не в чем.

Осматривая помост, Илюбей обратил внимание на то, что в изголовье зайсана не было седла и что исчезла винтовка, о которой когда-то все говорили, как о самой лучшей.

«Был кто-то! Раньше меня был! — с глубокой обидой на самого себя воскликнул Уштуев. — Надо было мне поторопиться»...

В эту минуту в памяти его прояснилось, что во всей долине ни один человек ничего не знает о таинственном посещении усыпальницы зайсана, и он, Илюбей Уштуев, будет в колхозе первым алтайцем, который скажет:

— Я был в доме мертвого Янкаша, и ничего со мной не случилось. Значит, нет никаких духов.

Он порывисто подошел к помосту и дернул полуистлевшую шелковую шубу. Что-то загремело, проваливаясь в широкие щели сухого настила.

Илюбей нагнулся и посмотрел под помост. Там в темно-зеленой трухе полусгнившего табака виднелись кости и среди них — серебряное горло дорогой трубки. Пастух схватил трубку и потряс ею над головой, будто грозил бывшему хозяину.

— Покурим из зайданской! Гокурим! — воскликнул он, покидая усыпальницу.

Накурившись вдоволь, он вынес из дома череп с выкрошившимися зубами, одел его на длинную палку, которую укрепил на крыше усыпальницы так, чтобы жалкие останки грозного зайдана были видны издалека.

— Теперь, Янкаш, никто тебя не будет бояться. Ты — ничтожество! — торжествующе крикнул Илюбей, плюнул на череп и пошел к коню.

5

Прошло около двух недель. За это время колхозники по бревну раскатали усыпальницу зайдана и из сухого добротного леса в той же долине, на берегу вертлявой речки, построили жилой дом с тремя окнами и русской печью. В непогоду в нем укрывались пастухи и охотники.

Теперь в долине паслись не только яки, но и несколько табунов лошадей.

По вечерам Илюбей Уштуев рассказывал молодым пастухам о жутком прошлом. Он опять курил свою старую трубку с чубуком из рога тау-тэкэ. Зайсанскую же он передал в областной музей.

Новосибирск, декабрь, 1936 г.

КАМЕНЬ СЧАСТЬЯ

Перед рассветом Чиликей Тутуров услышал бодрый стрекот сенокосилки на ближнем лугу.

«Неужели ночью косят? — подумал он. — Ничего удивительного нет. В сухую да лунную ночь косить можно. Заботятся колхозники, каждый хочет, чтобы у него больше трудодней было... К зажиточной жизни подходят».

Чиликею хотелось выйти на луг, посмотреть, чисто ли бреет землю новая сенокосилка, с улыбкой молвить:

— Якши!*

Колхозники остановят лошадей, удивленно и вместе с тем радостно бросят:

— А-а, сам председатель! Якши, якши! Давно ли поднялся?

И Чиликей Тутуров ответит им:

— Встав на ноги, сразу к вам поехал. Больше не лягу. Полгода пролежал, хватит.

* Якши — Здравствуйте! Буквальный перевод — хорошо!

— Якши! Якши! — посыплются со всех сторон слова, как зрелые шишки с кедра.

На это он, Тутуров, скажет без хвастовства:

— Вы знаете, что я первый поднял богатырский камень... Осенью я этот камень перекину через седло любого коня...

Мысленно все перенесутся в нижнюю долину Карасу. Южнее голой сопки, похожей на величественную юрту, торная тропа как бы расщеплена яйцевидным «Камнем счастья». Гранитный валун аккуратноложен на три зеленых камушка. Исстари росло в долине повествование:

«Этот камень принес сильный, но бедный богатырь, обладатель справедливости, принес с далекой реки, на которой никто, кроме него, не был. Богатырь, перебрасывая камень с руки на руку, говорил народу: «Когда здесь родится человек, который сможет поднять этот камень, жизнь перевернется, вместо темной ночи будет ясный день. Алтайцы построят аилы,* большие, как эти горы. И счастье в аилах поселится раньше хозяев и никогда не улетит от них. Люди будут дружны, и людям будет хорошо».

Все подумают: «Разве не перевернулась жизнь? Перевернулась. Баев прогнали. Бедняки, вступив в колхоз, увидели светлые дни. Еще в прошлом году говорили: «Хороший у нас трудодень, богатый!»

* Аил — конусообразная юрта из лиственничной коры.

Чиликей дышал легко, совершенно не чувствовал болезни, будто на месте истлевших легких появились новые, наполненные здоровьем. Он слушал, как наливалось тело возрастающей силой. Пощупал высокий лоб: исчез холодный и неприятный липкий пот, кожа на крутых скулах мягкая, точно он сейчас помылся в жаркой бане. На широком и угловатом подбородке черные кустики стали пущистее, потеряли мертвый блеск.

Упираясь руками в жесткую кровать, он осторожно встал и неуверенно подвинул босую ногу по некрашеному полу новой избы. Сухие ноги не подогнулись, даже не дрогнули, кости не хрустнули, мускулы работали, как новые пружины.

Чиликей громко захохотал и смело бросился к окну.

Ипкулей с детьми спала на полу. После трех дней и трех ночей, безотходно проведенных у постели мужа, когда не оставалось ни малейшей надежды на выздоровление, сон свалил ее.

Она не слышала, как мимо нее пробежал муж, не слышала громких слов:

— Алтайцы косят траву машинами! Хлеб будут косить колхозники тоже машинами! — Чиликей тряхнул головой, говорил, точно песню пел: — Повсей долине — стога сена! Птицам не сосчитать их, бойкому ветру не сосчитать. А давно ли я сам, ходивший в рваных обутках, собирая траву руками, вил из нее длинные,

точно аркан, толгохи и на сучьях лиственниц оставлял их до зимы.

Он смотрел на долину. Когда-то она принадлежала зайсану Юлукову. Бурые аилы бедняков были рассыпаны по дальним ущельям. От соседа до соседа — пять километров. Негде скот пасти, негде хлеб сеять. Оставалось одно — охота. Бедность раньше хозяев поселялась в аилах.

Чиликей перевел взгляд на широкую улицу, по обе стороны которой стояли, по соседству с аилами, новенькие избушки, потом он ощупал ровную поляну за рекой, где лежали широкие колхозные полосы, засеянные ячменем.

— Поднят камень! Навсегда поднят!

Придерживаясь за косяки, вскинул большую и угловатую голову, взгляд упал на темносиний хребет с острыми ледяными шпилями. Ему хотелось на своей любимой лошади ускакать туда, в горы, где еще в прошлом году охотился на лесных красавцев, быстроногих козлов. Когда вспыхнули золотом далекие снега и встало радостное солнце, Чиликей обеими руками забарабанил в окно.

Ипкулей, едва открыв глаза, прямо с постели, бросилась к кровати.

«Шаманский бубен хохочет на горах. Наверно, смерть взяла Чиликея! Что я буду делать?»

Кровать пустая и холодная. Шуба, которой закрывался муж, лежала на полу. Испуганная женщина метнулась к двери. Звон повторился.

Ипкулей, круто повернувшись, увидала мужа. На лице его был густой румянец, в глазах жадный блеск, словно он хотел вдосталь наглядеться на все окружающее. Жена схватила его в беремя.

— Ложись. Ложись скорее. Силы у тебя мало — упадешь.

— Нет. Ко мне вернулось здоровье. — Чиликей резко отстранил жену. — Слышишь, как машины на лугу дружно работают? Хорошо! Токующие ранней весной косачи удивятся, что машины их песнь повторяют.

— Какие машины? Все спят. Ложись.

— Уходи от меня, коли ничего не понимаешь. — Толкнул жену локтем в грудь. — Посмотреть на солнце не даешь... Утро послушать...

Ипкулей, обреченно мотая тяжелой головой, выбежала на улицу.

— Трижды зайсанскими плетями битый, отец мой умер молодым... А я сто лет проживу!

Чиликей уперся лбом в холодное стекло, задумался: «Отец вот так же кровью плевался... И встать не мог».

Теперь, вместо широкой и ровной долины, Чиликей видел узкую каменную щель, где всегда спал холодный мрак.

Далекое прошлое...

Толстые лиственницы лепятся по отвесным склонам, над головой — клочок серого неба, с овчинку. Уныло ревет река. На берегу ее вет-

хий аил Тутура. Навалится ветер — аил рассыплется. Небо бросает в очаг комья снега. Гаснет огонь. Да и зачем он? Все одно —варить нечего. Четырехлетний ребенок лежит на мерзлой земле, бьет ногами, скребет золу. Крик его похож на стон: «Мяса дайте... Есть хочу». Кто это? Да, ведь, это сам Чиликей... Вот братья его, трехлетний Тонкур и двухлетний Кучук, подзывают волчатами. Мать отворачивается, зажмутив глаза. Отец берет винтовку и молча выходит. У него есть еще две пули и щепотка пороха. Скоро он вернется, волоча за собой горячую тушу козла. Чиликей прыгает, визжат братья, предвкушая сытый ужин. Мать хмурится.

Угрюмый вечер. Незнакомые алтайцы открывают дверь и осторожно вносят отца в аил, кладут на холодную землю животом вниз. Отец стонет, не может повернуться. Мать в слезах. Она отдирает шубу от спины отца. Изорванная кожа кажется посыпанной горячими углами. Алтайцы задумчиво курят трубки, потом медленно рассказывают:

— Неимеющий счастья, Тутур, торопясь на солонцы, возле богатырского камня обогнал зайсана Юлукова. Даже не поклонился сильно му. Наверно не заметил. А у зайсана глаз, как у коршуна. Остановил он Тутура, долго кричал, а под конец распорядился, чтобы за не почтение выдрали плетьми. Больше ста ударов...

Отец лежит второй месяц. Беспрерывно кашляет, плюется кровью. Мать исходит слезами. Она уводит куда-то последнего коня. В сумерки возвращается с беззубым шаманом. Вот старик крутится у очага, бьет в бубен, орет по медвежьи. А отцу все хуже и хуже: догорает костер, чернеют угли... Осенняя непогода давит его. Темная ночь. За айлом — злой хохот ветра, стон падающих деревьев. Глаза отца задернуты мутной пленкой, как глаза смертельно раненой птицы. Лицо желтое, безжизненно, как мездра козьей шкуры. Сердце угасает... На щеках отца — две слезины. Нет — это пули для козлов. Свинец сжимает непокорные веки. По лицу идет трещина. Большие, как небо, и скорбные глаза глядят на Чиликея. У каждого глаза — рот. Слова хриплые, леденеющие: «Голодная смерть задушит вас»... «Себя не жалко, вас жалко»...

И опять слезины, все больше и больше — горькие озера.

Застывшее тело отца завертывают в обрывки шкур, тащат на гору, там появляется высокий холм камней. Страшный холм. Мать много раз предостерегала: «Никогда, Чиликей, не ходи, не езди вокруг могил. Обойдешь — обрежешь дорогу душе отца. Она придет на твой след, догонит тебя и задушит. Мертвые приносят живым только зло».

Чиликей до последних лет выполнял наказ матери. Не только он, никто из алтайцев доли-

ны Карасу не обошел вокруг лесистой горы мертвых.

Летят годы над головой Чиликея Тутурова, как вереницы журавлей. Вокруг пастуха — табун овец. Сгущаются сумерки. Баран противно блеет. Что это? Голос самого хозяина? Неприятный, как блеяние барана: «Паси мой скот на хорошей траве, заботься. Я твою мать и братьев мясом закормил».

Багровый закат, пугающий: Эрлик* где-то пьет человеческую кровь. Овцы — в загоне пережевывают жвачку. Маленький Чиликей украдкой бежит домой. За пазухой тушка сурка, убитого в минувший день. Сердце колотится сильно-сильно. Валился аил, потоком текут камни, скрежещут: «Не имеющие мяса родные твои умерли». Над головой — глаза отца, большие, как небо...

Парень смаху открывает дверь. Запах мертвенины ударяет в нос. Возле погасшего очага лежат трупы братьев. Чиликей кричит: «Любящая мать моя где? Где она?»

Никто не услышал голос. Горы не сказали, когда умерла мать...

**
*

Дверь скрипнула. Ипкулей вошла в сопровождении высокого алтайца с бритым подбо-

* Эрлик — злой бог.

родком и седеющими усами. Чиликей вздрогнул и, узнав гостя, ласково улыбнулся.

— Якши?! — тихо молвил Тюнек Борсуков, подошел к хозяину и положил руку на плечо. — Ложись на кровать. Тебе бегать вредно. В груди чего-нибудь оборвется, опять кровь пойдет.

— Якши, якши! — крикнул Чиликей. — Я совсем здоров. Быстро бегающего моего коня приведи мне сейчас же. Я поеду и сам посмотрю, как сено косят...

— Ты ложись, а потом поговорим...

— Теперь ты меня не уложишь. — Сдвинув широкие брови, сердито посмотрел на гостя. — Заместитель ты мой, или не заместитель? Заместитель. Так делай то, что я велю. Не хочешь?

Неожиданно оттолкнул Борсукова, побежал к двери. Тот схватил его за рубашку, удержал, а потом взял в беремя и понес к кровати.

— Я на общем собрании поставлю... В райком партии напишу... Тебе выговор дадут, — кричал Чиликей и, как ребенок, размахивал руками, пинал коленками в живот Тюнека. — Ты меня почему не пускаешь на покос? У тебя там непорядки? Я все одно узнаю. От меня ты ничего не скроешь.

Борсуков прикрикнул на больного:

— Лежи, а то арканом привяжу...

Ипкулей плакала. Проснулись дети. Уткнули головы в подол матери.

Чиликей дышал редко и тяжело. Успокоившись, он сказал миролюбиво:

— Ладно, я сегодня на покос не поеду. А завтра на рассвете заседлай мне коня...

На минуту закрыл глаза, тихо спросил:

— Силосу сколько ям сделали?

— Три... — с заминкой ответил Борсуков, а сам подумал:

«Больного волновать нельзя»...

— Хорошо работаете! Я в райкоме партии не раз говорил: «Колхоз «Чолмон»* всегда будет первым»...

— Всегда! — успокаивающе подтвердил заместитель.

— Пошли ко мне животновода. Хочу узнать, как у него идут дела...

Ночью Чиликею стало хуже, но он не стонал и не кричал, как неделю тому назад, когда все с часу на час ждали смерти. Он не мог ни подняться, ни пошевелить ни рукой, ни ногой. Лежал на спине, вытянувшись. Ноги, как палки. Кожа на лице его высохла и пожелтела. Утром жена влила ему в рот стакан парного молока. Он глотал редко и тяжело, вот-вот захлебнется, как ребенок. Молоко — горькая полынь. Но больной не хотел огорчать жену, и без того убитую бесконечной его болезнью, мужественно выпил стакан молока, как чашу яда. Ему хотелось думать об осеннем промы-

* Чолмон — заряница, Венера.

сле, о будущей весне, но перед ним падала холодная стена бурана, а потом медленно надвигалось величественное спокойствие. Он смотрел в угол и ничего не видел.

Чья-то горячая, как раскаленные клещи, рука взяла его пальцы. Издали донеслись слова, будто кричал человек с противоположного берега широкой реки:

— Ногти — как камень зимой. Посинели...
Худо...

Больной медленно повернул голову, — перед ним открылась комната, показавшаяся большой и незнакомой; у кровати стоял животновод Тоба Кулдышев.

— Ничего, Тоба... Я проживу сто лет... — тихо проговорил Чиликей, задыхаясь. — Когда в нашей долине машин будет столько, сколько муравьев на муравейнике, а дома колхоз выстроит, как в городе, — тогда мне можно умирать.

Он закрыл глаза, долго хватал воздух, как рыба, выброшенная на берег.

— Открой окна, — попросил жену и снова перевел гаснущий взгляд на Кулдышева. — Мы с тобой, Тоба, зимой поедем лосей бить...

Летела оранжевая метелица. Исчезли леса, будто невиданный выстрел смел их. Пара огромных лосей утонула в темноте.

— Глаза помутились, — прошептал Кулдышев и, склонив голову, глубоко вздохнул.

У Ипкулей подкосились ноги, она упала к

кровати и заревела. За ее спиной выли дети, размазывая слезы по щекам. Самого маленького Тоба взял на руки, полой своего пиджака утер ему лицо. Неумело утешал:

— Не плачь, друг. Ты скоро выростешь большой, на охоту поедешь. Ты будешь выше и сильнее отца. Гляди, дом-то у тебя какой!

Осторожно положил руку на дрожащую спину матери.

— Не реви, Ипкулей. Ты не одна. В колхозе проживешь, детей поднимешь. Они в школах будут учиться, заменять отца... — Кулдышев кашлянул, заговорил торопливо. — Не плачь, муж твой скоро встанет... Мы с ним поедем на охоту, лося тебе привезем...

Больной очнулся после полудня, увидел Кулдышева, сидевшего у кровати. На секунду блеснувшие глаза поблагодарили Тобу, в них — слабые искры слов:

«Тоба, я наверно умру»...

Чиликей хотел сказать:

«Позовите Тюнека, позовите всех артельщиков... На высоко летающую звезду Чолмон каждое утро смотрите. Каждый день заботьтесь, чтобы наш колхоз был также высоко... на первом месте»...

Он едва приоткрыл рот, медленно и беззвучно шевелил посиневшими губами.

«Язык потерял. Видно, умрет». — Кулдышев глубоко вздохнул.

Последний раз Чиликей очнулся на закате.

Задумчивые стояли леса на горах. Свежий воздух, настоенный на луговых цветах, на лесных травах, лился в открытые окна. Полна комнаты людей. Все колхозники пришли навестить человека, поднявшего богатырский камень.

Больной медленно поворачивал голову, искал детей. Он хотел сказать им: «Не плачьте, вы не пропадете»... Но он не заметил их. Искал родственников.

В угасающем сознании теплелись последние слова:

«Все — родственники. Много их».

Люди стояли, подобно каменным изваяниям. Скорбь сжимала их сердца.

Угасал день. Шли лиловые сумерки. В долине река тянула успокаивающую песню вечности. Люди враз подняли правые руки, тихо сняли шапки.

**
*

Прошло два дня. Большая толпа медленно двигалась к голой сопке, что посередине долины. Впереди несли красный гроб. За гробом шли мужчины, женщины, дети. Колхозники по-переменно несли на руках самого младшего сына Ипкулей. Пошатывавшуюся вдову поддерживали под руки. Комсомольцы начали песню... Никогда так не было в горах. В глазах провожающих не страх, а бесконечная жалость.

Остановились на вершине сопки. Осторожно опустили гроб в могилу. Поверх земли сложили холмик из камней и в нем укрепили красный столб со звездой и жестяным флагом.

Тюнек полушепотом прочитал надпись на жести:

«Организатор колхоза «Чолмон», поднявший богатырский камень новой жизни, Чиликей Тугуров, спи беззаботно».

Люди пошли навстречу солнцу, огибая сопку. На расстояниях молча остановились. Тюнек Борсуков, не говоря ни слова, обхватил камень — кровь бросилась к лицу. Поднимет ли? Камень только пошатнулся. Место Тюнека занял бригадир первой бригады Тордымбаев. Он широко расставил ноги, обнял камень и рванул вверх. Камень неподвижен. Тордымбаев отошел в сторону, потирая руками поясницу. Один за другим подходили колхозники к камню.

Тюнек снял с себя кумачевую опояску, обмотнул ею гранитный валун.

— Брось, пока не надорвался, — твердо молвил Тоба. — Мы и так знаем свою силу.

— Не надо камень трогать.

— Он давно поднят... И не одним Чиликеем и не только здесь. Всеми нами поднят.

— Правильно! Вступивший в колхоз алтаец поднял камень...

— Оттащите Тюнека.

Комсомолец Кудачин взял его за плечи.

— Брось. Не в камне дело, — поднял глаза на

народ. — Пусть Тюнек едет в город и учится на тех же курсах, на которых учился Чиликей. Из книг соберет в свою голову мудрость великих учителей.

Процессия обошла вокруг сопки и двинулась в долину, где золотом нового теса сияли дома колхозного поселка. Следом шло солнце.

Новосибирск, февраль, 1934 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Чебек Онуков	3
Трубка зайсана	22
Камень счастья	40

Издательство обращается к читателям и библиотекарям с просьбой сообщить свое мнение о настоящей книге по адресу: Новосибирск, Коммунистическая № 1, Областному издательству.

Редактор С. Кожевников
Техред В. Лазарев
Обложка художника В. Прожоина

Сдано в производство 20 XII-37 г. Подписано к печати 16 I-38 г. Тираж 10000. Формат 60×92¹/₃₂. Бум. л. 0,875. Печ. л. 1,75. Авт. л. 1,7. Уч.-авт. л. 1,95. Зн. в п. л. 44640. Индекс Х-5-6. Изд. № 1964. Новосибирск. Типография № 1 Облисполкома. Зак. № 4552. Уполн. обллита № 6653 от 16 I-38 г.